

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*В.Б. Баева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к. филол. н., доцент О.А. Скубач*

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СМЕРТИ А.С. ПУШКИНА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1937 г. (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»)

Аннотация

Одной из ключевых сквозных тем в номерах журнала «Пионер» за 1937 г. является подготовка и публицистическое сопровождение мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Статус детского издания определяет специфические черты общесоюзной кампании этого «смертельного юбилея». В настоящей статье рассматривается начало кампании в №1 журнала «Пионер» за 1937 г.; анализируются основные константы, конструирующие тему юбилея смерти Пушкина.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, юбилей, детский журнал, жизнь, смерть.

В 1930-х годах в СССР была создана целая сеть детских газет и журналов, цель которых заключалась в том, чтобы формировать мировоззрение «нового советского человека», влиять на развитие личности. Главным детским периодическим изданием в СССР к 1930-м годам стал журнал «Пионер». Он значительно отличался от других детских изданий качеством и признанным официальным статусом. Основная цель данного журнала – соединить нормативно-идеологическую функцию с литературно-познавательными задачами и остаться интересным и доступным для детей.

Центральные темы культурной жизни 1930-х гг. по-особому преломлялись в советской культуре детства. Одной из главных тем 1937 года в СССР являлся столетний юбилей со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Это событие нашло свое отражение на страницах не только взрослой, но и детской периодики. В частности, журнал «Пионер» неоднократно включает соответствующие сюжеты в номера 1937-1938 гг. Юбилейной дате полностью посвящен выпуск №1 журнала за 1937 год. Учитывая специфику детского журнала, редакция вносит коррективы в подачу темы: на обложке номера изображен лицеист Саша Пушкин с картины Н. Мещерского; юный облик главного отечественного поэта символически нейтрализует амбивалентность праздника, приуроченного к годовщине смерти.

Первая – редакционная – статья номера («Пушкин») дается как предисловие к последующим рассказам, стихотворениям и историям. Автор статьи выступает от лица всех граждан государства, выражая почтение

великому поэту:

«Есть ли в нашей стране еще один такой человек, который через сто лет после своей смерти живет между нами? <...> Пушкин для нас живой. Мы любим его друзей. <...> Пушкин для нас живой: стоит снять с полки его книгу – и с любой страницы мы услышим его голос, то грустный и задумчивый, то веселый и жизнерадостный, то мятежный и гневный. Пушкин близок каждому возрасту. <...> Пушкин учит нас понимать людей и природу, чувствовать родной язык, любить нашу страну» [5, с. 3-4].

Слово «жизнь» и его производные, как видим, настойчиво повторяются в тексте статьи. Вступительная статья задает тон всему журнальному номеру, определяет его цель: «смертельный» повод юбилея должен в итоге полностью скрыться за чувством вечной жизни поэта. «Живой Пушкин» – так можно определить ведущую тему журнала.

История Александра Пушкина начинается с рассказа Сергея Григорьева «Последний за всех» [3, с. 5-13]. В нем повествуется о лицейских годах поэта и писателя. Здесь мы знакомимся с самим Пушкиным в юности, с его друзьями, которые не покидали его до последних дней. Лицейская жизнь, как она рисуется в рассказе, максимально приближена к школьным будням советского ребенка. Пушкин и его друзья – озорные, жизнелюбивые, склонные к проказам – вполне могли бы служить иллюстрацией пионерского детства: «Когда Рыжий Кабуд попробовал сунуться в столовую, ему вlepили, сбив парик, ком жеваного хлеба. В лицее закипел не первый и не последний вечерний бунт» [3, с. 13]. В заглавии рассказа – значимая контаминация двух цитат, связанных с двумя центральными темами произведения: «один за всех» (что соответствует теме настоящей, верной дружбы, пронесенной мушкетерами-лицеистами сквозь года) и библейского «и последние станут первыми», обещающего будущее величие центрального героя рассказа.

Далее пушкинскую тему продолжает стихотворение Александра Блока «Пушкинскому дому» [2, с. 14]. Текст сопровождается точной датировкой: 29 января (11 февраля) 1921 года, что прямо соотносит стихотворение со знаменитой «Пушкинской речью» Блока («О назначении поэта»), прочитанной им в Доме литераторов именно 11 февраля 1921 г. Этот доклад дважды ассоциирован со смертью: приуроченный автором к 84 годовщине смерти «величайшего русского поэта» и написанный в год смерти самого Блока, он, как известно, не просто посвящен трагическому предназначению поэта («...роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая» [1, с. 762]), но и примиряет с ним. Это, в свою очередь, легитимирует появление в номере журнала темы испытаний и невзгод в жизни Пушкина.

Центральную часть выпуска занимают рассказы о Пушкине В. Смирновой [6, с. 15-33], – адаптированный для детского восприятия советский канон пушкинской биографии. Этот цикл состоит из двенадцати коротких историй, которые в хронологической последовательности рассказывают о ключевых событиях жизни Пушкина, показывая нам, как менялся поэт, как он вырос, как формировались его интересы, жизненные

принципы, – рисуя картину становления великого поэта и бунтаря.

Так, в «Зеленой лампе» вниманию читателя представлен молодой Александр Пушкин, который живет светской жизнью, посещает театры, дружит с влиятельными людьми, но по-прежнему, как и в лицейские годы, остается задирой и нонконформистом: «Пушкин в клетчатом испанском плаще, стоя в ложе актрис, дразнил их, расхваливая Семенову, браня всех, кроме нее, и всех передразнивая» [Там же, с. 16]. Пушкин демонстрирует задатки будущего фрондера; так, реагируя на рассказ о медвежонке, в Царском Селе сбежавшем от хозяина-коменданта и напугавшем отправившегося на прогулку царя, он, в беседе с друзьями-офицерами (очевидно будущими декабристами), «с сожалением» восклицает: «– Нашелся один, да и тот медведь! – Погоди, – возразил ему кто-то, – придет время – найдутся и люди. – Чего ждать? – говорил он живо. – Теперь самое безопасное время: по Неве лед идет – нечего опасаться крепости» [Там же].

В следующем рассказе «Изгнание» идет речь о первом опыте диссидентства и первой ссылке Александра Пушкина. «– Пушкина надо сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами. Вся молодежь наизусть их читает», – прямо заявляет разгневанный царь [Там же, с. 17].

В рассказе «Саранча» повествуется о недолгой служебной карьере поэта, закончившейся новой ссылкой. В рассказе «В селе Михайловском» ссыльный Пушкин на глазах читателя превращается в отшельника. Он все время проводит за написанием новых шедевров. Здесь же появляется один из периферийных, но значимых персонажей канонической биографии Пушкина – это няня, Арина Родионовна, – единственная, кто скрашивает одиночество поэта: «Она <...> варила ему кофе по утрам <...>, смешила прибаутками, рассказывала ему сказки» [Там же, с. 22]. «У меня нет другого общества, кроме моей старой няни», – цитирует автор рассказа письмо поэта Раевскому [Там же]. Последняя встреча с Пустиным – еще один знаковый пушкинский сюжет – завершает собой рассказ.

«Декабристы» – первая кульминация биографического сюжета. Рассказ о том, как ссылка, в которой находился поэт, спасла его от гибели, должен оправдать Пушкина, так и не появившегося на Сенатской площади в декабре 1825 г. Поэт в рассказе не находит себе места и всячески пытается вернуться в Петербург, чтобы участвовать в восстании, однако от преждевременной трагической участи его спасают мудрые друзья: «...Ты ни в чем не замешан, – писал ему Жуковский, – но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это дурной способ подружиться с правительством. Не просись в Петербург. Еще не время» [Там же, с. 24].

В рассказах «Царская милость», «Осень», «В придворном мундире» творческий рост поэта определяется личным взрослением Пушкина. Зрелый человек и поэт, Александр Пушкин теперь сознательно предпочитает светским балам уединение и творчество. Наконец, в рассказах «Вызов» и «Дуэль» представлена стандартная версия сюжета о «черни», в лице Дантеса сгубившей поэта.

Особый интерес представляют последние рассказы цикла. В рассказе «Смерть» детально описываются последние дни и часы жизни поэта. Умиравший Пушкин переживает и момент поражения, но и момент триумфа: его смерть – это смерть гения, окруженного почетом и преклонением скорбящих друзей и поклонников: «Доктор Даль, милый сказочник Даль, с которым вместе скакали они по Оренбургским степям записывать казацкие песни и рассказы про Пугачева, сидел теперь всю ночь около смертной постели. В соседней комнате, в креслах, дремали Жуковский, Вяземский – друзья» [Там же, с. 31].

Однако в завершающем цикл рассказе «Похороны» мы видим смерть поэта глазами «черни»: « ... позади в почтовой кибитке дремал рядом с почтальоном, закутавшись в мех, важный петербургский чиновник. Посредине, в простой телеге в соломе, старый дядька-дворовый придерживал обернутый рогожей гроб. <...> – Что это такое? – спросил на какой-то станции встречный проезжий у мужиков на почтовом дворе. – А бог его знает – что! Вишь какой-то Пушкин убит – вот его и мчат на почтовых в рогоже да в соломе, прости господи, – как собаку» [Там же, с. 33]. Такой финал цикла закономерен: прижизненная слава Пушкина – лишь тень подлинного почета, который оказывают поэту его советские потомки 100 лет спустя после его гибели.

Что же касается виновников смерти, – актуальное – с учетом новой, советской, жизни – к ним отношение формулирует завершающий пушкинскую биографию фрагмент из стихотворения В. Маяковского «Юбилейное»: «Сукин сын Дантес! / Великосветский шкода. / Мы б его спросили: / – А ваши кто родители? / Чем вы занимались / до 17-го года? – / Только этого Дантеса бы и видели!» [5, с. 47].

В качестве завершающего элемента биографического сюжета гибель героя необходима, однако литературные законы композиции должны проверяться и подкрепляться сухой наукой. Блок материалов о Пушкине завершается статьей «Инженеры человеческого тела» [7, с. 48-53], в которой авторы пытаются реконструировать характер ранения поэта, анализируют стратегию лечения и с медицинской и физиологической точек зрения обосновывают тезис о врачебных ошибках, сделавших неизбежной его смерть в 1837 году: «Пушкин умер не от самой раны, но от воспаления брюшины. Никакие важные для жизни органы не были задеты, даже кишечник не был пробит. <...> Ему дали касторку, которая вызывает усиленную работу сокращения кишечника. Потом касторки показалось мало: Пушкина стали мучить “промывательными”, как называли в то время клизму. А при всяком ранении в живот требуется прежде всего полный покой» [Там же, с. 49]. Вывод очевиден: в 1937 году вооруженные советской медициной потомки не дали бы умереть поэту.

Впрочем, окончательность смерти гения лишь кажущаяся. Номер журнала замыкается рубрикой «Почта», включающей связанную с «пушкинской» темой корреспонденцию юных советских читателей. В своих письмах и рисунках они наглядно демонстрируют, что Пушкин для них по-

прежнему близок, интересен, иными словами – жив.

Последняя же публикация номера и вовсе вносит струю карнавального смеха в архетипический сюжет о смерти и воскресении: в том же первом номере журнала «Пионер» за 1937 год начинается публикация романа А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Непотопляемый капитан, чья «Победа» постоянно оборачивается бедой, а фатальное невезение – напротив, несомненным триумфом, составляет характерную смысловую рифму главному герою выпуска. Так юбилей смерти превращается в торжество бессмертия, а поэт, погибший столетие назад, – в актуального героя советского культурного ландшафта.

Используемая литература

1. Блок, А. О назначении поэта / А. Блок // Блок, А. Соч. в 2-х т. Т.2. – М.: ГИХЛ, 1955.
2. Блок, А. Пушкинскому дому / А. Блок // Пионер. – 1937. – №1. – С. 14.
3. Григорьев, С. Последний за всех / С. Григорьев // Пионер. – 1937. – №1. – С. 5-13.
4. Маяковский, В. Убийца Пушкина / В. Маяковский // Пионер. – 1937. – №1. С. 47.
5. Пушкин // Пионер. – 1937. – №1. С. 3-4.
6. Смирнова, В. Рассказы о Пушкине / В. Смирнова // Пионер. – 1937. – №1. – С. 15-33.
7. Червонский, О.П. Инженеры человеческого тела / О.П. Червонский // Пионер. – 1937. – №1. – С. 48-53.

*Ю.Ю.Дедюхин
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор
Г.П.Козубовская*

МИФОЛОГЕМА ТЕНИ В ПОЭЗИИ К.Н. БАТЮШКОВА

Аннотация

Исследуется мифопоэтика К.Н. Батюшкова на материале элегии «Тень друга». Лирическая ситуация встречи с другом рассматривается в историко-культурном контексте с учетом многообразия философских, мифологических и др. смыслов. Показана полисемантическая и полифункциональность тени.

Ключевые слова: Константин Батюшков, мифопоэтика, мифологема тени,